УДК 130.2:2-264

Л. О. Свиридова

Интерпретация мифотворчества в современной культурологической мысли

Предпринимается попытка осмысления современного состояния мифологии как теоретической дисциплины, изучающей мифотворчество, стремящейся ответить на вопрос о сущности мифа. Чрезвычайно широкий спектр высказанных исторических исследовательских позиций во многом обусловлен общемировоззренческими установками ученых, что подчеркивает сложность и значимость данного культурного феномена. Подвергается сомнению соотнесение мифотворчества лишь с психическими процессами. Высказывается суждение, что суть мифотворчества связана со смыслополаганием, всегда представляющим собой моделирование картины мира, в которой находит свое место назначение жизни человека и человеческого общества. Мифотворчество при таком его понимании неотделимо от культуротворчества, как на стадии антропогенеза, так и на любой исторической стадии. Изучение мифотворчества приводит к проблемам культурогенеза и поискам изначальных культурных форм, обусловленных способностью символизации. В качестве таких форм рассматриваются имя и число.

Ключевые слова: мифология, мифотворчество, семиотика, картина мира, символ, имя, число

Lyubov' O. Sviridova

Interpretation of myth-making in modern cultural thought

An attempt to comprehend the modern state of mythology as a theoretical discipline studying myth creation, seeking to answer the question about the essence of the myth is made. The extremely wide range of the stated historically research positions is largely due to the worldview of scientists, that emphasizes complexity and importance of this cultural phenomenon. The correlation of myth-making only with mental processes is questioned. The author makes a judgment that the essence of myth-making is connected with the meaning designation, which is always a modeling of the picture of the world, in which the purpose of human life and human society finds its place. Myth-making in this sense is inseparable from cultural genesis, both at the stage of anthropogenesis and at any historical stage. The study of myth-making leads to the problems of cultural genesis and the search for original cultural forms due to the ability of symbolization. The name and digit are considered as such forms.

Keywords: mythology, myth-making, semiotics, picture of the world, symbol, name, digit

Мифология как наука, изучающая мифотворчество, имеет долгую историю своего развития. Попытки постигнуть сущность мифа насчитывают не одно столетие. Каждая историческая эпоха привносила нечто новое в историю осмысления мифотворчества. Характер научного знания эти попытки обретают с XVIII столетия.

Первые рационалистические интерпретации мифа зафиксированы в античности. Необходимо отметить, что само рационалистическое препарирование мифа свидетельствует о кризисе мифосознания, а не о его расцвете, с которым зачастую ассоциируется наследие античной мифологии. Мифическое в раннехристианский период и средневековье – отдельная неисчерпаемая тема. Мифопоэтическое мировосприятие неизбежно стало основой для усвоения христианского содержания, о чем свидетельствуют памятники иконописи, гимнографии и агиографии. В эпоху Просвещения продолжилось своего рода развенчание мифа, намеченное в античности, мысль исследователей была ориентирована на вскрытие социального значения мифотворчества, которое понимается в этот период преимущественно лишь как область фантазий и выдумок человечества, по-детски наивный этап развития сознания. С утверждением линейно-стадиального видения историко-культурного процесса возобладал взгляд на миф как на давно минувшее детство человечества, ранний этап эволюции сознания.

Антитезой просвещенческой трактовке мифа стала романтическая рефлексия над мифотворчеством. Мифология предстала взору романтиков глубоким явлением человеческой культуры, достойным серьезного философского осмысления. Были осознаны символическая природа мифотворчества и мифологическая основа языка. Романтическое восприятие мифа привело к становлению мифологической школы,

повлиявшей на отечественную науку, особенно фольклористику и филологию. Оригинальная философско-теологическая концепция мифологии была создана Шеллингом.

Следует отметить, что значительное развитие мифология как научное направление получила в трудах отечественных исследователей советского периода. Предвосхищая западные структуралистские исследования В. Я. Пропп и Я. Э. Голосовкер ставили своей целью постичь логику мифологических повествований.

В современном научном знании к изучению парадигм мифологического мышления применяются основные методы культурологии: структуральный, семиотический, психоаналитический; само становление данных методов исторически неотделимо от изучения мифологии. Структурно-семиотическая методика, разработанная К. Леви-Стросом, направлена на выявление в мифологическом тексте мыслительных операций. Психоаналитический метод, в свою очередь, нацелен на интерпретацию мифологических сюжетов с точки зрения психоанализа. Широкую панораму истории мифологии как науки от античности до наших дней представляет Вячеслав Михайлович Найдыш.

Мифотворчество, очевидно, связано с деятельностью сознания человека, и именно в закономерностях его функционирования зачастую ищут «разгадку» мифа современные мифологи. Так В. М. Найдыш связывает специфику мифотворчества с закономерностями восприятия, именно восприятие он рассматривает как элементарную форму знания, в которой проявляются существенные свойства мифотворчества: «Сущность мифа коренится в закономерностях когнитивной, познавательной деятельности сознания» [1, с. 387]. В обосновании единой теории мифа исследователь стремится опереться на культурно-историческую теорию психики Л. С. Выготского (формированию понятийного мышления у детей предшествует комплексное мышление, «нелогично», с точки зрения взрослого, объединяющее предметы по ряду несущественных признаков) и генетическую эпистемологию Ж. Пиаже. Мифотворчество связывается, при таком подходе, с той стадией развития сознания, в филогенезе и онтогенезе, когда осуществляется выход за пределы непосредственного чувственного восприятия и происходит построение образа.

В современных исследованиях мифологии присутствует также тенденция представить миф самостоятельным способом восприятия мира, существующим параллельно логическому, рациональному его постижению. Профессор Ю. М. Романенко подчеркивает, что в мифе слово и образ слиты в единое целое, что и обусловливает присутствие двух способов восприятия мифического сообщения – слухового и зрительного: «Миф не есть только деятельность мышления, воображающего невообразимое, но одновременно он является специфической речевой деятельностью, именующей неименуемое» [2, с. 72]. Иными словами, миф позволяет постичь предмет целостным образом и обладает средствами для выражения этого образа.

Однако граница между Мифосом и Логосом ни в историческом, ни в парадигмальном планах не является жесткой и легко обнаруживаемой, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, в мифе обнаруживается своя логика; так К. Леви-Строс выявлял в структуре мифа типы логических операций. Во-вторых, и наука – средоточие логического подхода – в своих истоках мифологична, и, как остроумно отмечает Ю. М. Романенко, представление о «строгой науке», исключающий «несерьезное» мифологическое, рождает в нашем воображении вполне мифический образ некоего стража.

Историю интерпретации мифа предлагает и известный современный немецкий философ Курт Хюбнер. Он различает аллегорическую, ритуально-социологическую, психологическую, трансцендентальную, структуралистскую и другие интерпретации мифа. Кроме того, философ вводит в оборот выражение «нуминозная интерпретация» мифа. Согласно этому направлению, к которому К. Хюбнер относит таких крупных исследователей мифологии, как братья Гримм, К. О. Мюллер, М. Элиаде и многих других, миф может быть понят как эпифания, явление метафизической сакральной реальности. Носитель мифологического мировосприятия имеет опыт этой реальности, и именно она определяет буквально все стороны его жизни. Однако нуминозный опыт понимается отнюдь не как канувший в Лету феномен, свойственный сознанию людей минувших эпох, он на архетипическом уровне неотъемлем от человека. В рамках данного направления осуществляется своего рода реабилитация мифа. Истина мифа, а именно так озаглавливает К. Хюбнер свое исследование, есть истина жизни [3].

Действительно, представляется, что рассмотрение теории мифа лишь как части единой теории психических процессов сужает культурную значимость данного феномена. Мифотворчество – один из способов осмысления окружающего мира и места человека в нем. Суть мифотворчества в смыслополагании. Логос как Смысл никак не может быть противопоставлен Мифосу.

Крупный отечественный семиотик В. В. Иванов предложил гипотезу, согласно которой «развитие знаковых систем, используемых в человеческом обществе… осуществляется путем их постепенной дифференциации из единой синкретической знаковой системы» [4, с. 55]. Таким образом, проблема взаимообусловленности мифа, языка и ритуала связывается со спецификой антропогенеза и культурогенеза. По выражению В. Н. Топорова, протомиф и ритуал суть «последние шаги биологической эволюции, приведшей к антропогенезу», и «первые шаги человеческой культуры» [5, с. 44].

Сходным образом видный фольклорист С. З. Агранович, отдавая предпочтение первичности ритуального действия над языком и мифом, предлагает анализировать языковые явления с точки зрения мифологического сознания. В авторских этюдах по мифолингвистике миф рассматривается как культурный код, матрица, проступающая в глубинных смыслах художественных текстов. Семантика образов и слов восходит к «архаической коллективной картине мира, асинхронно возникающей у разных народов в результате сходных объективных законов формирования мифологического сознания и раннего языка» [6, с. 289].

Какой же была та первичная знаковая система, формирование которой исследователи относят к доречевой и становлению речевой стадии развития человека, и с которой генетически связана вся человеческая культура: язык, религия, музыка, искусство, самосознание? Что означал первый звук, изданный человеком, каким был его первый осмысленный жест? Эти вопросы приводят к удивительному феномену культуры – имени. Именно имя дает возможность человеку назвать себя и назвать другого, обратиться, осуществить акт коммуникации.

В мифопоэтическом мировосприятии, обнаруживаемом в традиционных культурах, имя предстает уже глубочайшим явлением, оно – носитель сокровенного смысла. Имя связано с сутью именуемого, а познать имя – значит познать самого носителя имени и даже получить власть над ним. Акт имянаречения подобен акту рождения, воззвания к жизни. Без имени нет человека: «С именем – Иван, без имени – болван», – гласит народная мудрость. В человеческом сообществе имя, как правило, дается человеку любящими родителями. Оно поется младенцу матерью, имя звучит как первая песня и первые звуки музыки. На глубокую связь мифотворчества и музыки, как известно, обратили внимание еще поздние романтики Р. Вагнер и Ф. Ницше, убежденный в том, что утрата способности к мифологическому мировосприятию есть проявление кризиса культуры [7].

Выдающийся отечественный философ А. Ф. Лосев в знаменитой «Диалектике мифа» [8] представил миф глубоко личностным и чрезвычайно значимым для человека феноменом, что позволило ученому высказать весьма непопулярные для данного периода советской истории идеи (что, однако, не осталось без трагических последствий в судьбе философа). А. Ф. Лосев логически убедительно показывает, чем не является миф и как его можно определить положительно. Избранная логика исследования приводит философа к определению мифа как «чудесной личностной истории, данной в имени».

Подобным имени символом в культуре предстает и число. Числа, возможно, генетически связаны с первыми жестами человека. Универсальность числовой знаковой системы осознана, как известно, уже Пифагором. В исследовании А. Б. Островского, посвященном изучению Библейского текста, показано, что именно числа выступают как своеобразный смысловой код, в котором зафиксировано мифологическое восприятие истории, мифопоэтическая рефлексия над историческими событиями. А. Б. Островский обосновывает термин «метаистория» [9].

В древнерусских письменных памятниках присутствует загадочное слово «чисмя» [10, с. 824], в значении «число». Имеется в виду не число как множество элементов, а собственно число как символ и имя. Числа и имена символичны в текстах культуры. Символы – узловые точки культуры, обладающие способностью сохранять и аккумулировать смыслы. Смыслы эти могут со временем частично подвергаться забвению и профанации, стать предметом искусственных построений и манипуляции (о чем писал Р. Барт [11]), но они способны и возродиться вновь при актуализации семантики символа.

Итак, суть мифа в смыслополагании, а следовательно, в жизни личности миф – судьба (развернутое магическое имя, по Лосеву), в языке миф обнаруживает себя в семантике слов, в тексте он проявлен в тропах, в текстах культуры миф связан с символами, важнейшим из которых является число – ключ метаистории, в политике миф – идеологема. Мифотворчество предполагает моделирование целостной картины мира, определение в ней места и назначения человека, следовательно, преодоление хаоса и бессмыслицы. Мифотворчество неотделимо от культуротворчества как на стадии антропосоциогенеза, так и на любом историческом этапе. Разгадать миф возможно лишь в той степени, в которой возможно разгадать загадку культуры и человека, его языка и мировосприятия.

Список литературы

1. Найдыш В. М. Мифология: учеб. пособие. Москва: Кнорус, 2017. 430 с.

2. Романенко Ю. М. Философия в отсвете мифа: метафизика как поэтика мысле-образов // Метафизические исследования. Санкт-Петербург, 2000. Вып. 15: Искусство. С. 69–76.

3. Хюбнер К. Истина мифа. Москва: Республика, 1996. 448 с.

4. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. Москва: Наука, 1976. 298 с.

5. Топоров В. Н. О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. Москва: Наука, 1988. С. 7–60.

6. У корней мирового древа: миф как культурный код / С. З. Агранович, М. В. Конюшихина, А. И. Петрушкин, Л. П. Рассовская, Е. Е. Стафанский. Самара: Бахрах–М, 2015. 448 с.

7. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 224 с.

8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. Москва: Мысль, 2001. 558 с.

9. Островский А. Б. Библейская метаистория: семиотико-нумерологический анализ. Санкт-Петербург: Нестор, 2004. 235 с.

10. Полный церковнославянский словарь / сост. свящ. Г. Дьяченко. Москва: Издат. отд. Моск. патриархата, 1993. 1121 с.

11. Барт Р. Мифологии. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 314 с.

References

1. Naidysh V. M. Mythology: study guide. Moscow: Knorus, 2017. 430 (in Russ.).

2. Romanenko Yu. M. Philosophy in light of myth: metaphysics as poetics of thought-images. *Metaphysical researches*. Saint Petersburg, 2000. 15: Art. 69–76 (in Russ.).

3. Khyubner K. Truth of myth. Moscow: Respublika, 1996. 448 (in Russ.).

4. Ivanov V. V. Essays on history of semiotics in USSR. Moscow: Nauka, 1976. 298 (in Russ.).

5. Toporov V. N. About ritual: introduction to problems. *Archaic ritual in folklore and early literary monuments*. Moscow: Nauka, 1988. 7–60 (in Russ.).

6. Agranovich S. Z., Konyushikhina M. V., Petrushkin A. I., Rassovskaya L. P., Stafanskii E. E. At roots of world tree: myth as cultural code. Samara: Bakhrakh–M, 2015. 448 (in Russ.).

7. Nietzsche F.; Rachinskii G. A. (transl.) Birth of tragedy from spirit of music. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2005. 224 (in Russ.).

8. Losev A. F.; Takho-Godi A. A. (ed., comp.), Troitskii V. P. (ed., comp.) Dialectics of myth. Moscow: Mysl', 2001. 558 (in Russ.).

9. Ostrovskii A. B. Biblical metahistory converge: semiotic-numerological analysis. Saint Petersburg: Nestor, 2004. 235 (in Russ.).

10. D'yachenko G., priest (comp.) Full Church Slavic dictionary. Moscow: Moscow Patriarchate publ. house, 1993. 1121 (in Russ.).

11. Barthes R. Mythologies. Moscow: Sabashnikovy publ. house, 2004. 314 (in Russ.).